Зловредная жертва

Автор:
Наталья Никольская

Зловредная жертва

Наталья Никольская

Бабуся

Кто повинен в смерти склочной старухи, упорно отравлявшей жизнь своим близким? Внук, наследующий в случае чего ее квартиру? Невеста внука, которую убитая ни за что ни про что ославляла распутной девкой и авантюристкой? Список можно продолжать почти ДО БЕСКОНЕЧНОСТИ… но что толку? И так ясно – мотивы были У ВСЕХ, кто имел несчастье столкнуться со «ЗЛОВРЕДНОЙ ЖЕРТВОЙ». И все-таки… что-то здесь не сходится! Только понимает это пока лишь баба Дуся…

Наталья Никольская

Зловредная жертва

ГЛАВА 1

БУРЕНКА ИЗ МАСЛЕНКИНО

– Ишь, отъела себе зад-то, – будто бы для приятельницы, а по сути для всех окружающих поведала седоватая тетка преклонных лет. – Скажи Паш, порядочная скрыла бы срамоту-то эдакую, юбочку длинную в складочку одела, а эта обтянулась еще, для пущего эффекту.

– Идет, кренделя эти самым местом выписывает, – поддержала ее Паша. Какая-то щедрая парикмахерша явно не пожалела времени на закрепление химической завивки своей клиентки, так что теперь нечто, напоминающее добротную мочалку, обрамляло лицо говорящей дамы.

Обе тетушки, внешний вид которых не вызывал сомнений в их пристойном образе жизни, торопливо ковыляли за пухленькой голубоглазой блондинкой, которая явно пыталась оторваться от своих преследовательниц.

– Отольются тебе Аськины слезки, – продолжала делиться с миром грехами блондинки Паша с термоядерной «химией». – Это же надо, так издеваться над бедной старушкой! Нет, Таиска, не так мы относились к старшим, когда сами были молодыми. Опять же, место в транспорте уступали.

– Такая уступит! – обрадовано подхватила новую тему седоватая Таиска. – С таким тылом, прости господи, еще и не одно место займет. Сроду, как набьются поутру в троллейбус, и не влезешь с тележкой-то. Людям на рынок надо, а они разъезжают с сумочками, бездельницы.

– Что вы к девушке пристали, – одернул бабулек гражданин в темно-сером костюме, – идет ведь, никого не трогает.

– Во-во, – удовлетворенно кивнула головой Паша, – для того и юбчонку такую напялила. Для приманивания мужчин. Постыдились бы, гражданин, а небось еще семейный, в пиджаке. Прям на улице уже шалав подцеплять начали. Ужас, а не времена настали!

– Да никого я не подцепляю! – загорячился гражданин. – Просто не могу смотреть, как вы нападаете на девушку. И откуда вы взяли, что она ша… легкого поведения!

– Да у ней на лбу это написано! Вернее, на противоположном месте, – захихикала Таиска.

– А ты иди, милок, – посоветовала гражданину Паша, – а то и про тебя все расскажем.

Угроза оказалось действенной, и дяденька в сером костюме, раздосадовано махнув рукой, поспешил скрыться в душном и шевелящемся чреве подошедшего автобуса. Его оппонентки победно переглянулись, но видя, что девица, воспользовавшись временной передышкой, ушла далеко вперед, припустили за ней.

Бабе Дусе, давно наблюдавшей за картиной травли безответной блондинки, стало жалко бедняжку, к тому же она совершенно не терпела несправедливости, а в данной ситуации несправедливость явно собиралась восторжествовать. Маленькая, суховатая бабуся легко нагнала солидной комплекции дам, развлекавшихся тиранством девицы.

«Сами тоже ничего», – с неодобрением подумала она, разглядывая внушительные спины преследовательниц. На глаза ей попалось нечто маленькое, в яркой упаковке, скромно лежащее в траве газона рядом с тротуаром.

– Женщина! – воспользовалась она наиболее типичным для России обращением к индивидууму женского пола старше пятидесяти лет.

– Ну, – обернулись обе.

– Не вы обронили?

– Я, – хором, как юные пионеры, ответили бабули, судорожно шаря взглядом в поисках ценной потери.

– Жаль, – вздохнула баба Дуся.

В этот момент более зоркая Таиска увидела в траве яркую упаковку и с неожиданной для ее комплекции резвостью ринулась к находке. Более стройная Паша попыталась опередить подругу, уловив направление движения, но не приметив вожделенный предмет.

– Я обронила, – предприняла она попытку овладения желанной находкой.

– И не думай, – строго одернула ее Таиска, – сама лично сегодня купила, с пенсии, – для убедительности добавила она, пытаясь прочесть нерусскую надпись на упаковке.

– Че это? – сдалась Паша.

– Со… соп… тужилась в прочтении иностранного слова Таиска.

– Премерзатив это, – спокойно пояснила Дуся.

– Как? – огорошено уставились на нее подруги.

– Ну средство такое, для безопасного интима, – смогла подобрать пристойное определение, услышанное из передачи «Магазин на диване», бабуся.

Сцена, протекающая под аккомпанимент злорадного хихиканья вольных и невольных зрителей инцидента, полностью удовлетворила жажду мести не терпящей несправедливости бабы Дуси. Таиска взвизгнула и, как ядовитого паука, отшвырнула от себя подальше внезапно ставшую мерзкой находку. Паша зарделась, как девица на выданье, и попыталась отвести удар от себя, добив подругу.

– Что же ты, говоришь, с пенсии купила, а сама швыряешься?

– Так ты же кричала, что твоя потеря! – не растерялась Таиска.

Дальнейшее бабусе было уже не интересно. «Негр сделал свое дело, негр может уходить», – вспомнила она где-то услышанную фразу. Мысленно представив себя огромным, замотанным, почему-то в простыню, негром, она чинно удалилась с места происшествия, сопровождаемая уже выходившим за рамки приличия диспутом распоясавшихся старушек и восторженными подзадориваниями свидетелей.

* * *

Бабуся случайно оказалась на аллее в этот теплый, прозрачный день бабьего лета. Она проснулась поздно, когда лучи солнца уже нашли щелки в неплотно задернутых занавесках ее комнаты.

Сегодня она решила пренебречь добровольно взятыми на себя обязанностями по хозяйству и посвятить первую половину дня прогулке. Самокопание и долгое раздумие не были свойственны ее живой, подвижной натуре, но сегодня сам день настраивал на лирический лад, и старушка позволила себе предаться воспоминаниям.

Она вспоминала свою деревню с забавным и несколько агрессивным названием Вражино, тот день, когда совершенно неожиданно для себя и других приняла робкое приглашение своего внучатого племянника Игоря и переехала в Тарасов. Раньше баба Дуся и не думала о городе, но ее авантюрный дух давно тосковал в бездействии. У старых подружек было постоянное развлечение: бой с вечно пьющими и пытающимися замаскироваться под трезвенников мужьями, воспитание армии разновозрастных внуков, битва за урожай для прокорма ставшими городскими детей.

Бессемейной бабе Дусе воевать и воспитывать было некого. Но было бы несправедливым считать, что вселилась она в трехкомнатную квартиру внука для того, чтобы донимать его и Ирину, живших гражданским браком, нравоучениями и мелочной опекой. Если смотреть объективно, то бабуся, самым заурядным образом, поехала покорять город. И это ей удалось. Нет, старушка из Вражино не стала модной художницей или крутой шоуменшей, она нашла свое призвание в более опасной и захватывающей области общественной жизни: частном сыске.

Игорь Анатольевич Костиков или Горяшка, как с младенчества звала его старушка, был частным детективом с юридическим образованием и даже имел свое частное агентство, где в данный момент работал он и… баба Дуся или Бабуся, как в отместку за «Горяшку» еще в несознательном возрасте нарек ее внучатый племянник. Причем жалование старушка получала не за работу уборщицы и даже не в качестве архивариуса, а как полноправный агент сыска.

Как это получилось? Назойливая старушенция против желания Игоря распутала одно серьезное дело. Потом второе. «Happy end» третьего убедил молодого сыщика, что все это не случайно. Наблюдательность и пронырливость настырной бабуси давала результаты гораздо более положительные, чем логическое

мышление и прекрасное образование молодого адвоката. Игорь сдался и официально принял престарелую родственницу на службу. Правда, службой это было назвать трудно. Контора находилась в квартире, где обитали Игорь, Ирина и бабуся, а в суть дела агентша вникала чаще всего с помощью замочной скважины. Молодой человек никак не мог признаться себе, что доминирующую партию в их деятельности играет все-таки сельская полуграмотная старушка, и частенько довольно бесцеремонно пытался ставить ее на место. Но это не помогало. И популярность агентства все возрастала.

Самодовольные воспоминания о последнем раскрытом с ее помощью деле и прервали две агрессивные старушки. Выполнив роль возмездия и покарав злодеек с помощью их же оружия – обвинения в игривом поведении, бабуся попыталась вновь настроиться на лирическую волну воспоминаний, но та уже улетела вместе с грешившим непостоянством ветерком.

– Простите, пожалуйста, – низкий, музыкальный голос окончательно добил ее попытки предаться воспоминаниям, – я просто не знаю, как вас благодарить.

Перед бабусей стояла та самая блондинка, видимо, поджидающая ее за поворотом.

– Эти кобры совсем меня достали, спасибо, что отшили их!

В подтверждение ее искренности неправдоподобно огромные голубые глаза, обрамленные длиннющими, щедро подкрашенными ресницами, подернулись влагой.

– Да ладно, – закокетничала бабуся, – проехали. Сама не выношу таких стервозин. Лучше расскажи, с чего это они озверели, а то будет меня злодейка бессонница терзать всю ночь напролет. – Бабуся была фанаткой Аллы Борисовны, а эта исковерканная фраза из песни уже давно запала ей в душу и ждала удачного применения.

– Да так, – махнула рукой девушка и неожиданно всхлипнула, – ни за что.

– Э, нет, так не пойдет. Давай, девонька, рассказывай все по порядку. Где это видано, чтобы в демократское время права молодежи нарушались? Да мы их, паршивок, в КПЗ засадим, если виноватые.

– Разве их засадишь? Они пенсионерки, старенькие. Их тоже жалко. Да и не виноваты они. Это все она, – девушка прерывисто вздохнула, глаза ее опять подозрительно заблестели, – Ася Гордеевна.

– Из рекламы, что ли? Что под средство хлорку маскирует и в морды всем тычет?

– Нет, – сквозь слезы улыбнулась девушка, – это бабушка моего жениха, Модеста. Она весь двор против меня настраивает. Придумывает гадости всякие. Рассказывает, что я… что мы… – девица не выдержала и разревелась в полный голос.

– Живете что ль, вместе? – догадалась бабуся.

– Ну, – всхлипнула блондинка.

– Вот так же и мои, – вздохнула старушка, – вроде и семья, а на деле – непонятно что.

– Да мы уже заявление подали, – взмахнула ресницами девушка, – скоро точно поженимся, вы не думайте.

Девица и бабуся просидели на скамейке долго. Видимо, Сашеньке, а так звали блондинку, некому было пожаловаться, и неожиданная поддержка со стороны незнакомой старушки пришла в момент, когда так и хотелось поделиться с кем-нибудь своей бедой. Выговорившись, она немного успокоилась.

– Живете в одной хате, что ль? – посочувствовала бабуся.

– Да в том-то и дело, что нет. У нее однокомнатная квартира в соседнем доме. А у нас, то есть пока у Модеста, – опять залилась краской девица, – двухкомнатная. Но у нее ключи, и она постоянно проверяет нас. А потом всем рассказывает, если что не так.

– Беспредел, – покачала головой старушка. – В общем так. Ты иди домой и ничего не бойся. А я пока покумекаю, как помочь твоему несчастью. Вот моя визитка на всякий случай, если что случится, звони, – и бабуся гордо протянула Сашеньке две свежеотпечатанные, вкусно пахнущие типографской краской визитки.

– Это ваши? – недоверчиво спросила Сашенька.

– А что?

– Тут агент какой-то, Евдокия Десятова.

– Ну, я и есть агент.

– Вы?

– Что, не похожа? Ты думаешь, агенты ростом с каланчу и берданками увешанные? А тут старушенция мумифицированная?

– Да что вы! – заделикатничала девушка, – просто так неожиданно. Первый раз вижу живого агента. А почему одна визитка на русском, а другая на английском?

– Тикет такой.

– Этикет?

– Ну да, тикет. По правилам тикета, нельзя на одной визитке на двух языках калякать. Это по телевизору сам Доренко говорил, – приврала для убедительности бабуся. Она напрочь забыла, где слышала об этикете визитных карточек.

– Еще раз спасибо, – улыбнулась уже совсем повеселевшая Сашенька.

Обе дамы расстались вполне довольные знакомством. Баба Дуся принялась обдумывать, как реабилитировать девушку в глазах соседей, Сашенька радовалась, что ее разочарование во всех стариках мира потерпело фиаско. И ни одна из них не думала, в какие события выльется их случайное знакомство, и как скоро предстоит встретиться им уже в новых ролях: сыщика и клиента.

* * *

– Обычно она исчезает, когда идет расследование. Я что-то не припомню, чтобы бабуся пропадала просто так. И утром она проспала. Всегда встает раньше нас, готовит завтрак, а тут… Что, если она заболела и в наше отсутствие ей стало плохо? – Ирина нервничала.

– Успокойся, котенок. Ну, вышла за покупками. Заболталась со знакомыми. С кем не бывает, – Игорь прижал к себе любимую женщину.

Они прекрасно смотрелись вместе. Высокий, колоритный Игорь с эффектной, стильно подстриженной черной бородкой и хрупкая, маленькая, романтичная Ирина.

– Смешная ты у меня, киска. То ворчишь на старушку, то впадаешь в истерику при небольшом ее запоздании.

– Я ворчу не на бабусю, а на некоторые ее эпатирующие привычки.

– Только не говори про нюхательный табак. Эта песенка уже устарела, мы с тобой честно пытались отучить бабу Дусю от сей жуткой привычки, но что не дано – то не дано. Скажи-ка лучше, что у нас сегодня на ужин? Очень кушать хочется!

– Я надеялась, что бабуся приготовит, – расстроено уронила Ира.

– А-а-а, – понимающе протянул Игорь. Теперь все понятно. Просто тебе понравилось, что бабуся взяла на себя все хозяйство. Ты не переживаешь за здоровье моей родственницы, тебе просто не хочется стоять у плиты! – строгий взгляд молодого человека так и буравил подругу.

– Как ты можешь! Баба Дуся мне почти как родная, я, может, больше тебя ее люблю! У тебя нет оснований искать во мне такие недостойные чувства, – Ирочка почти плакала.

Игорь посмотрел на ее пылающее от гнева чрезвычайно симпатичное личико, уже блестящие от надвигающихся слез глаза и не смог больше разыгрывать из себя семейного тирана.

– Глупышка, шуток не понимаешь, – он притянул к себе девушку и, подавив слабое, проявленное более для проформы сопротивление, поцеловал.

На несколько божественных мгновений для этих двоих перестал существовать весь мир: исчезли звуки, свет разложился на все цвета спектра и заиграл, озаряя застывших в поцелуе, хоть и не расписанных в государственном учреждении, но все-таки мужа и жену.

Громко хлопнувшая дверь прервала чудесное мгновение, и живая композиция, представлявшая до сего момента единое целое, с сожалением распалось на две такие разные половинки.

– Где вы были, Евдокия Тимофеевна? – выбежала в прихожую еще не пришедшая в себя после поцелуя, раскрасневшаяся Ирина.

– Запомните, детки, – задумчиво, с оттенком вековой мудрости в голосе, но совершенно не по теме, произнесла старушка, – хорошо смеется тот, кто стреляет последним!

* * *

Бабуся увидела свою новую знакомую уже на следующий день. Сначала, правда, она увидела не ее, а приятной наружности гражданина, стоящего на пороге их квартиры. Он поинтересовался, действительно ли здесь располагается сыскное агентство «Икс».

– Здеся, заходи, милок, – обрадовалась старушка. Она уже успела соскучиться по своей экстремальной работе.

– Модест Красовский, – представился мужчина. – Меня привела к вам рекомендация моей невесты, Александры. Правда, Сашенька не была уверена в том, что по этому адресу действительно располагается детективное агентство, но она дала прекрасную характеристику конкретно вам, если не ошибаюсь, Евдокия э-э-э…

– Тимофеевна, – засмущалась бабуся. – Да вы чего стоите-то, проходите. Сейчас быстренько кофею соображу, я ой как насобачилась его стряпать!

– Ну, сообразите, – не смог не улыбнуться ее непосредственности Модест.

– Значит, достала совсем старушка, – посочувствовала бабуся, для солидности прихлебывая горячий, черный, отвратительный, на ее взгляд, кофе без сливок и сахара. Такой кофе присоветовали пить в той же программе по этикету, которую вел, как ей помнилось, журналист Доренко.

– Не совсем, – разочаровал ее посетитель. – Дело, видите ли, в том, я хотел бы поговорить с вашим шефом.

– Брось ты, сынок, – обиделась баба Дуся, – нешто этот вертопрах может тебе что присоветовать по житейской мудрости! Старый ворон не какнет мимо, старый человек не посоветует плохого. А я уж обдумала, как вашу каргу поучить уму-разуму.

– Дело в том, что учить-то, теперь, кажется некого, – неуверено начал Модест.

– Преставилась! – всплеснула руками баба Дуся.

– Сплюньте, – испугался ее клиент. – И вообще, я все-таки хотел бы дождаться вашего непосредственного начальника.

«Оопс, – сказала про себя бабуся, насмотревшаяся иностранных мультиков про Симпсонов и нахватавшаяся заморских словечек и междометий, – беру слова про вертопраха обратно. Так не мудрено всех клиентов распугать».

Только она собралась пропеть дифирамбы талантам и способностям своего внучатого племянника, как дверной звонок возвестил о приходе самого Игоря. Игорь подозрительно посмотрел на посетителя, на взволнованное, горящее всепоглощающим пламенем любопытства лицо своей родственницы и занял место за своим солидным, просто обязанным внушать уважение, столом. Удачно подобранной деталью к интерьеру кабинета была трубка и божественный, не сравнимый с запахом обычного сигаретного дыма аромат табака «Charry» с привкусом вишневой косточки. Игорь не торопясь, выдерживая театральную паузу, набил трубку и выпустил первое облачко синеватого дымка. Раскуривание трубки помогало ему сосредоточиться и составить первое впечатление о клиенте.

Впечатление было благоприятное. Вопреки своему желанию, Игорь никак не мог избавиться от привычки «встречать и провожать» посетителя по одежке. В глубине души он был уверен, что человек, следящий за своим внешним видом, просто не может не контролировать исправное состояние души. Впрочем, он прекрасно осознавал, что это мнение субъективно и старался не руководствоваться им в процессе познания человеческой сущности. Модест был облачен в прекрасно сшитый, видимо, на заказ, серый костюм. Розовая рубашка удачно балансировала на той грани, которая разделяла нарочитую безвкусицу, свойственную шоуменам, и изысканную элегантность делового, серьезного человека. Точку в ансамбле ставил галстук, на тон темнее костюма. Только наметив первые мазки в портрете клиента, Игорь поинтересовался сутью его проблемы.

Проблема оказалась в том, что зловредная бабушка Модеста Красовского, главного, если не сказать единственного в городе фониатора, исчезла. Она пропала еще вчера утром, не ночевала дома, не появилась и сегодня. Модест волновался за свою трудную, но все-таки любимую и единственную бабулю.

Баба Дуся сидела на отвоеванном в процессе многодневных баталий стуле в темном, неприметном уголке и жадно впитывала в себя информацию. Самолюбие ее было удовлетворено: в первый раз ее не попыталась выгнать из кабинета. Сначала выгонял ее сам Игорь, потом клиенты, которым вид маленькой, востроносенькой старушки не внушал доверие. Теперь же шеф, а по совместительству внучек, сам понимал, что без ее помощи агентство не справилось бы с львиной долей дел, а клиент питал к ней доверие, благодаря протекции самого близкого для него человека.

– Вы понимаете, что в милицию обращаться нет смысла, там, кажется, принимают заявления о пропаже людей только по прошествии трех дней, – излагал Модест. – Но дело не только в этом. Как вам, наверное, известно из рассказа Евдокии Тимофеевны, у моей невесты складывались не совсем хорошие отношения с бабушкой. Как раз в вечер, накануне пропажи, между ними произошел нелицеприятный разговор, можно даже сказать, скандал, – клиент конфузливо поправил пальцем очки.

– И поделом карге старой, – высказалась из своего угла осмелевшая было бабуся. Свирепый взгляд, брошенный на нее шефом, заставил принять агентшу смиренный и покорный вид.

– В принципе, – как бы не заметил маленького инцидента Модест, – в этом споре Сашенька была права. Мы, видите ли, уже купили путевки в свадебное путешествие, и тут баба Ася безапеляционно заявила, что едет с нами. Напрасно я твердил, что еще одну путевку достать невозможно, а для ее возраста вредно менять климат, и это просто нетрадиционно: ехать в свадебное романтическое путешествие втроем. Баба Ася кричала, что поедет с нами во что бы то ни стало. Она решила ехать дикарем и жить в нашем номере нелегально.

На все наши аргументы она находила контраргументы. Сашенька пугала ее кондиционером, бабушка говорила, что просто не позволит нам его включать. Я стращал ее кафе – бабушка не переносит общепита – она пообещала готовить сама и даже не подпускать нас в «эти забегаловки». Мы, в конце концов, намекнули ей на сложности, связанные с интимной стороной вопроса, а она – «перетопчитесь». Это было просто ужасно.

– Чем дальше в лес, тем третий лишний, – прокомментировала бабуся из своего угла.

– Баба Дуся, откуда вы понабрались этих ужасных, пошлых выражений? – не выдержал Игорь.

– Ты, Горяшка, не горячись, – скаламбурила бабуся, – это не выражения, а фольклор. Разницу чуешь? Выражения в подворотнях потребляют, а фольклеру в университетах профессора обучают. Не веришь – у Ирки своей спроси. Раньше его собирал Олег Даль, большого ума человек, много книг написал про этот самый фольклор. Он еще по совместительству артистом подрабатывал. А сейчас этим занимается тоже большой ученый. Профессор Фоменко его фамилия. Это он по радио культуру в массы несет.

Игорь понял, что бабусю занесло. Проявленное уважение клиента вселило в нее уверенность в безнаказанности и собственной значимости. Старушка положила ногу на ногу и, уже не скрываясь, достала кисет. Картинно, немного рисуясь, доставила щепотку табака в ноздрю и оглушительно, по-мужски, чихнула. Собственно, ее чих трудно было назвать просто чихом. Это было рявканье, одновременно похожее на раздраженный вопль самки йети и мини-взрыв мерседеса.

Мужчины обменялись понимающими взглядами. Игорь просил посетителя извинить взбалмошного агента, Модест успокоил его легкой улыбкой. Клиент и шеф сыскного агентства начинали все больше нравиться друг-другу. После общения с бабусей первым желанием Красовского было деликатно уйти из этого дома и больше никогда не возвращаться. Но знакомство с Игорем изменило его намерения. Костиков производил впечатление интеллигентного, умного и образованного человека. Что же касается его агента… Ну, пристроил человек престарелую бабушку, ну, может, даже платит ей жалование. Честь и хвала ему за это.

Сначала молодой человек вообще не хотел идти ни в какое агентство. Тем более в то, в котором на службу берут старушек. Ни для кого не секрет, что уважающая себя фирма даже уборщицу ищет исключительно со внешностью кинодивы, высшем образованием и не старше двадцати пяти лет. Что уж говорить-то о более солидных должностях. Но его божество, его Сашенька, так горько рыдала, так изыскано заламывала полные белые руки, что он сдался…

– Несмотря на все мои усилия, нам не удалось избежать разговора на повышенных тонах, – повествовал Модест, – баба Ася ушла, как говорится, хлопнув дверью, а Александра была настолько возбуждена, что позволила себе не совсем допустимые выражения в адрес бабушки Аси.

– Матюкалась? – сочувственно поинтересовалась бабуся.

– Что вы! Моя невеста – девушка исключительно порядочная и даже в мыслях никогда не позволит себе ничего такого. Просто она кричала, что когда-нибудь, простите, прибьет эту ненормальную старуху, – ставшим уже привычным жестом Модест поправил очки и продолжил:

– Мы живем на первом этаже, окна часто открыты, поэтому вполне вероятно, что содержание скандала стало достоянием общественности нашего дома.

– Да это не первый этаж, а бабка твоя за рупор социализма работает, – опять подала голос бабуся, – сама выносит грязь из дому, да приукрашивает в меру своей фантазии.

– Может быть, – печально согласился Модест. – Итак, теперь вам все известно, и я изложу суть проблемы. Нам просто необходимо, чтобы бабушка как можно

быстрее нашлась. Во-первых, мы беспокоимся, а во-вторых, – рука Модеста привычно потянулась к очкам, но на полпути замерла и вернулась на место. Видимо, неуверенность, которая провоцировала этот жест, сменилась, наконец, решительностью. – Во-вторых, с подачи приятельниц бабы Аси, подозрение в причастности к исчезновению бабушки может пасть на Александру. А она девушка слишком мягкая и ранимая, чтобы так грубо столкнуться с изнанкой жизни. Начнутся допросы, очные ставки, что там у вас… Она может не выдержать. Вот в этом и заключается суть моей, так сказать, просьбы.

– Простите за неприятный для вас вопрос – к сожалению, и в нашей работе присутствует доля той самой изнанки – вы абсолютно уверены в своей невесте? – мягкостью тона Игорь постарался сгладить остроту вопроса.

– Конечно, конечно, – засуетился Модест, – вы просто не знаете Сашеньку. Я даже ласково зову ее «Буренка из Масленкина», как в старом мультфильме: та же бесхитростность, те же глаза. Вот ваша помощница ее видела, она может подтвердить, что эта девушка не способна ни на какой недостойный, с точки зрения общества, поступок, – Красовский с мольбой посмотрел в темный угол, где притихла старушка.

– Точно! – хлопнула себя ладонью по лбу бабуся, – не про майонез, а про масло! – ее осенило, что еще в парке она пыталась вспомнить название мультфильма, очи главной героини которого напоминали ей глаза Сашеньки.

Модест немного подождал, но повторить свою просьбу счел бестактным. Он неловко повернулся к Игорю и вопросительно посмотрел ему в глаза.

– Знаете, – Игорь красиво выпустил очередное облачко ароматного дыма, – может, вам действительно не стоит торопиться? Представте, возвращается завтра ваша бабушка, живая и веселая, а дело уже раскручено? Слухи о расследовании могут просочиться в круг общения вашей родственницы, вероятна возможность возникновения очередного скандала.

– Душевный комфорт Сашеньки для меня важнее всего, – проникновенно сказал Модест, – а на счет того, что баба Ася может узнать о расследовании… – молодой человек лукаво улыбнулся, – то его можно объяснить исключительно заботой о ней самой.

– Решено! – хлопнул ладонью по столу Игорь, – беремся. Согласна, агент Евдокия Десятова?

ГЛАВА 2

РАСКОЛЬНИКОВ В СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Сашенька и Модест сидели в кабинете Игоря Костикова и старательно выдавали информацию, которая могла бы помочь в поисках их драгоценной бабушки. Сам Игорь восседал за солидном столом, баба Дуся мышкой приютилась в своем любимом уголке.

Игорь, задавая вопросы, пытался нарисовать для себя психологический портрет клиентки. Сначала Сашенька ему не понравилась. Он был равнодушен к блондинкам, даже натуральным, его тонкая, не чуждая излишнему эстетствованию натура совершенно не воспринимала полных женщин как привлекательных. Глаза, правда, были хороши даже на его придирчивый вкус. Чистого голубого цвета, обрамленные густыми, нереально длинными ресницами, они просто светились невинностью, чистотой и бесхитростностью. Но постепенно поистине мощная женственность этой девушки покоряла его, затягивала, парализовала способность к непредвзятому отношению.

Нет, не выдающаяся грудь и чувственные губы будили его мужское эго. Сама аура, витающая вокруг этой женщины, призвана была будоражить чувственность мужчин и дух соперничества у женщин.

«Опять Иришка будет нервничать», – с досадой подумал Игорь, машинально воспринимая информацию о знакомых бабы Аси.

– Кроме Таисии Петровны и Пелагеи Львовны, или тети Паши, как все ее зовут, бабушка общалась, вернее, общается с Борисом Ильичем Садиковым. Это заслуженный пенсионер, живет в смежной с ней квартире. Они просто неразлучны, мы даже подумывали, что у них роман, – нервно хихикнула Сашенька.

– Я хотел поинтересоваться у него, не знает ли Борис Ильич что-нибудь о бабе Асе, но не далее, как сегодня утром, он уже посылал проклятия в адрес Александры. Кричал, что по ней нары плачут и что-то о невинной загубленной душе, – продолжил Модест.

– Очень хорошо, что не поинтересовались, – прервал его Игорь, – не надо без моего ведома предпринимать никаких шагов. Расскажите-ка поподробнее об этом Садикове.

– Да нечего рассказывать. Один из тех типов, которые не дают никому житья, маются старческой бессонницей, а утром строчат жалобы в органы внутренних дел на всех окружающих, позволивших себе ночью, пардон, спустить воду в сливном бачке. Его даже в правительстве Тарасова знают: еженедельные проекты о способах переустройства общественного строя, присылаемые на имя губернатора, в приемной читают как бестселлеры.

– Так-так-так, – заинтересованно постучал карандашом по столу Игорь, – прекрасно. Можете вспомнить что-нибудь еще?

– Да так просто и не скажешь, – задумался Модест, – но если что-нибудь вспомним, то обязательно поставим вас в известность. А сейчас, если позволите, мы хотели бы попрощаться. Дело в том, что у нас деловая встреча, и мне не хотелось бы опаздывать.

Игорь проводил посетителей до двери, попутно отметив оценивающий взгляд, которым окинула Ирина Сашеньку, и галантно попрощался.

– Игорь, – не терпящим отказа голосом позвала его Ирина, как только за гостями закрылась дверь.

– Сейчас, малыш, перекинусь с бабусей парой слов и уделю тебе столько времени, сколько пожелаешь, – заискивающе улыбнулся Игорь, с удивлением чувствуя в себе какую-то тщательно скрытую в подсознании вину.

Почти жена ничего не ответила, только демонстративно, но аккуратно, чтобы не повредить штукатурку, хлопнула дверью спальни.

– Что думаешь, – баба Дуся? – спросил Игорь, уже предчувствуя, что ответ подчиненной совпадет с его выводом.

– Сколько волка не корми, а он все равно смотрит, – выдала очередной «перл» бабуся.

– Не понял, – искренне удивился Игорь. Он никак не мог привыкнуть к непредсказуемости своей родственницы. Это ты о визуальном наблюдении, что ли?

– Уж не знаю, как там у городских это наблюдение называется, может, и визуальным, но в деревне Вражино это называется на титьки пялиться.

– Как вы можете такое говорить, баба Дуся, – вздернул бородку Игорь, постаравшись придать дрогнувшему голосу побольше убедительности и одновременно посылая трусливый взгляд в сторону спальни, – и вообще, я спрашиваю, что вы думаете по поводу следствия! Визуальное наблюдение у эрудированных людей подразумевает глазное наблюдение, то есть слежку с помощью глаз, то есть глядение, то есть… тьфу ты, совсем меня запутали, – рассердился вконец Игорь.

– То-то же, – погрозила ему пальцем старушка. – Ладно, иди, грехи замаливай, а я пойду делать твое визуальное наблюдение за этим старым хрычем, который гигиену не любит.

Она надела летнюю униформу для слежки, представляющую собой зелененькое платьице в бежевых бликах, и выскочила за дверь.

Игорь задумался над очередной загадкой не по делу, которые любила подкидывать ему бабуся, и только догадавшись, что нелюбовь к гигиене, по мнению старушки, выражалась в кляузах на шумных соседей, пользовавшихся по ночам сливным бачком, направился к двери, за которой его ждало неминуемое возмездие.

* * *

Иришка лежала на огромной двуспальной кровати. Ее глаза, до краев наполненные страданием, никак не прореагировали на приход возлюбленного. Она лежала такая маленькая, такая беззащитная, что сердце Игоря наполнилось смесью жгучего сострадания и захватывающего дух влечения.

– Что, котенок? – заискивающе спросил он.

Ира молча перевела взгляд на мужчину, который составлял смысл ее существования. Чаши глаз, сменив горизонтальное положение, выплеснули часть страдания в виде хрустальной слезинки, медленно скатившейся по щеке.

– Настроение испортилось? – попытался ухватиться за соломинку уже начинавший раскаиваться грешник.

Звенящая тишина была ему ответом.

– Что-нибудь не так на работе? – все еще надеялся он.

Никакой реакции.

– Голова разболелась? – ухватился за последнюю непотонувшую соломинку Игорь.

– Скажи, – медленно, продлевая пытку, проговорила Ирина, – ты хоть когда-нибудь любил меня?

– О чем ты, родная, – засуетился Игорь, обрадованный тем, что жуткая тишина хоть на что-то сменилась, – я и сейчас люблю тебя.

– За что? – потребовала ответа женщина.

– Что за что? – страдалец судорожно пытался сообразить, какого ответа требует от него возлюбленная.

– Неужели такую, как я, можно любить? – подтолкнула его к нужному ответу Ирина.

– А-а-а, – обрадовался Игорь, – вот ты о чем. Чего это тебе взбрело в голову, киска? Ты же знаешь, что лучше тебя я не встретил еще ни одну женщину!

– А если бы встретил? – подкинула провоцирующий вопрос капризная возлюбленная.

– Я просто ее не заметил бы, – торжественно заверил Игорь.

– Да, такую не заметишь.

– Так ты о клиентке?

– А почему ты догадался? Значит, согласен со мной? На нее невозможно не обратить внимания?

– Только как на крупный предмет, – побожился Игорь, ты же знаешь, что я предпочитаю изящных брюнеток пышным блондинкам.

– И много ты их предпочел? – строго, но уже более по инерции спросила девушка.

– Целую кучу, – отшутился Игорь, поняв, что гроза миновала.

– Знаешь, – компетентным тоном заявила Ирина, – один очень солидный журналист писал, что чем выше интеллект мужчины, тем более стройных женщин он предпочитает.

Игоря захлестнула волна нежности к этой интеллектуалке, пользовавшейся такими примитивными приемами. Мельком он усмехнулся мысли, что девушка с университетским образованием, как и полуграмотная бабуся, говоря небылицы, ссылается на неведомых журналистов.

Волна нежности все нарастала, обретала силу и тяжесть и наконец, сконцентрировавшись во вполне физическом теле Игоря, обрушилась на капризную и чуть-чуть закомплексовавшую по поводу своей внешности женщину. Когда, спустя время, волна отхлынула, на берегу остались затушивший вспышку ревности любимой молодой, немного утомленный адвокат

и уже уверенная в своем совершенстве сотрудница библиотеки.

* * *

Бабуся прислонила ухо к двери, ведущей в спальню внука и, скорее почувствовав, чем услышав блаженную атмосферу помирившихся после небольшой стычки супругов, царившую в комнате, отошла с довольным видом.

Немного помозговав, она пришла к выводу, что любовь – любовью, а дело – делом. Поэтому, преувеличенно громко погремев на кухне посудой, старушка звонким голосом возвестила:

– Кофе пить!

Немного погодя все семейство собралась на кухне.

– В общем, слушай, бездельник, – начала бабуся, отметив для себя повеселевшие глаза подруги внука. – Видела я этого Садикова. Ничего, солидный мужчина, в костюме ходит.

– Ой, не влюбись, Евдокия Тимофеевна, – не смог сдержать игривого настроения Игорь.

– Затаилась я, значит, под каштаном, – не приняла шутливого тона бабуся, – будто плоды собираю. Они дюже от моли пользительны. Сыпанешь горстку – считай, вся шерсть спасена. А то было как-то дело, сунулась я по зиме за валенками – что такое? Одни нашлепки резиновые лежат. Лежат себе, сердешные, горюют по голенищам своим, а моли энтой кругом – видимо-невидимо.

– Ба, по делу давай, – поморщился Игорь.

– А коли хочешь по делу, – отомстила бабуся, – сам не задавай пустых вопросов.

И замолчала, потупив глаза и чинно сложив руки на коленях. Игорь уже и сам понял свой промах. Действительно, просто свинство с его стороны предаваться

плотским утехам, отправив старушку на задание, да еще и дразнить ее.

– Прости, бабусь, – он, как в далекие босоногие времена, прижался щекой к ладони бабушки и просительно заглянул ей в глаза.

Чуть заметно улыбнувшись, та гордо высвободила руку и продолжила:

– Собираю я, значит, каштаны, природой попутно любуюсь, и тут – на тебе! Выходит этот самый дед. Ну вылитый, как на фотографии, что Модест дал. Зыркнул очками своими, а я и виду не подаю, будто слежу за ним. Собираю себе потраву молью, как та еще Красная Шапочка цветочки. Ну, он меня и вовсе не приметил. Я, конечно, для своего возраста ничего еще, но кругом столько козочек молоденьких бегает, что нам, бальзамовским дамам, с этой конкуренцией ну никакой управы нету.

– Каким дамам? – безуспешно пытаясь сдержать смех переспросила Ирина.

– Эх, ты, а еще университеты заканчивала, – с превосходством упрекнула ее бабуся, – это мне сам Якубович объяснил, что если даме далеко за двадцать, то она уже считается бальзамовского возраста. Я так понимаю, что без бальзама Битнера таким дамам – полная хана. В общем, скрытая реклама, – махнула она рукой.

Иришка, не выдержав напряжения, громко прыснула в кулачок, но, встретив обиженный взгляд бабуси, вскочила и убежала в свою комнату, чтобы там спокойно отсмеяться.

– Ну и слава богу, – проводила взглядом ее бабуся, – баба с возу – и волки сыты. И без дилетантов обойдемся.

– Без кого? – удивленно приподнял брови Игорь.

– Ну, дилетанты, которые под ногами путаются, а толку от них никакого. Ты не цепляйся к словам, ты слухай дальше-то что было. Идет, значит, змей, озирается, нервничает, сразу видно: на дело идет.

– Откуда вы взяли, что именно на дело? – с любопытством спросил молодой человек. Его искренне интересовали методы расследования бабуси.

– День прохладный, а он потеет. Лоб блестит, то и дело платком по ему ерзает. Иду я дальше, и вспоминаю, что в одном месте дюже любопытная кошка черная обитает. Я как-то вела за ней наблюдение, так эта негодяйка что удумала: приметила, видно, что люди в панику впадают, когда она им дорогу перебегает, и забавляется тем, что сигает то туда, то обратно. Да не просто сигает, а замаскируется и в самый неожиданный момент выскакивает. На дороге затор, все плюются, а ей и приятно. Я все это дело припомнила и внимание свое усилила. Подходим к месту, где эта паршивка дислоцируется, я глазами пошарила по кустам – сидит. Короче, как сиганула она под ноги подозреваемому, так тот и остолбенел. Мне со спины видно плохо было, но что уши у него побледнели – это точно. И авоську свою он выронил. А из авоськи – сумочка дамская показалась. И что характерно, уж больно судорожно стал злодей сумочку эту опять в авоську запихивать. А сам так и зыркает, так и зыркает! А теперь скажи-ка мне, Горяшка, как стандартные люди на черную кошку реагируют?

– Плюют три раза через левое плечо, – резво, со знанием дела, ответил Игорь.

– Правильно, а еще за пуговицу берутся или ждут, пока какой-нибудь некомпетентный бедолага раньше них через проклятое место перейдет. А если уж человек начинает обходить, да переходить на другую сторону, людям на смех, да еще такой солидной наружности, как этот Садиков, то значит, дело серьезно. Значит, никак нельзя ему без удачи дальше следовать. Так ты бы видел, как он с ентой самой кошкой в жмурки-пряталки играл! Он вправо – и кошка вправо, он влево – и кошка влево. Так и не дала ему благополучно перейти. Из этого я вывод такой сделала: не будет удачи деду. Попадет рыбка в сети.

– И все? – немного разочаровано произнес Игорь.

– А что, мало? – обиделась бабуся. – Ну так, мелочи еще всякие. Например, зашел он в подъезд, где молодые живут. Вышел уже с пустой авоськой. В руках ее не было, а карман оттопыривался. Значит, сумочку оставил. И нервничал сильнее. Когда котенок в кустах заорал, аж за сердце схватился. И глазами все шарил, все шарил. Никогда так трудно маскироваться не было, – жалостным голоском добавила она.

– Так-так-так, это уже что-то, – оживился Игорь, – что же ты раньше молчала?

– Это ты молчал, а я тараторила, как сорока на утиной охоте, – не согласилась бабуся.

– Это я так, образно, – отмахнулся Игорь, – и ведь заметь, Красовские на деловой встрече, а у Аси Гордеевны при себе всегда были ключи от их квартиры! Он вполне может иметь отношение к сбежавшей, либо пропавшей старушке.

– Вот и кумекай, – пробормотала бабуся, запихнув в нос добрую щепоть табака.

* * *

Весь день Игорь не мог дозвониться до Красовских. Домашний телефон не отвечал, рабочий был все время занят. А Сашеньку вообще невозможно было найти: как это ни шокировало Игоря, но работала она не маникюршей и даже не продавщицей мороженого, а учительницей русского языка и литературы, и даже, как успел узнать Игорь, считалась учителем высокой квалификации и блистала великолепной дисциплиной учащихся на уроках.

В момент, когда он, тихонько чертыхаясь, в очередной раз накручивал диск телефона, в дверь позвонили. Едва не сбив бабусю с ног, в квартиру тайфуном ворвалась Сашенька. Надо сказать, что рыдала она безукоризненно. Волосы цвета спелой пшеницы, золотящейся под щедрым летним солнцем, лежали идеальными, подаренными самой природой этой женщине волнами. Распахнувшийся плащ выпускал на свободу мощно вздымающуюся, роскошную грудь, слезы, струящиеся из глаз, не смазывали искусный макияж и не заставляли отекать веки и краснеть нос.

– Модест, – прорыдала она красивым, театральным голосом.

– Помер? – вынырнула из коридора бабуся.

– А-а-арестован, – смогла выговорить девушка и упала на руки стоящего рядом Игоря.

Бабуся успела вовремя среагировать и подпереть своим телом внука с другой стороны, иначе Игорь, несмотря на свой внушительный рост и неплохую физическую форму, упал бы от тройного удара: чисто физического, Сашенька, должно быть, весила немало, чисто психологического – арест симпатичного ему Модеста был полной и неприятной неожиданностью, и чисто чувственного – первый раз в его объятиях находилась девушка с такими женственными формами.

– Спокойно! – в этой ситуации молодому адвокату просто необходимо было продемонстрировать присутствие духа, – главное, не паниковать! Расскажите подробно, как все произошло, – решительно потребовал он у девушки, пытаясь придать ей устойчивое положение.

Когда общими усилиями Сашеньку удалось немного успокоить, она поведала, что беда пришла к ней на работу в виде капитана милиции. Он требовал указать, где скрывается ее сожитель. Найти единственного фониатора в городе было нелегко. Кабинеты его располагались и в театре оперы и балета, и в консерватории, но рабочий график был свободный. Только после долгих поисков, под рыдания невесты, его вывели под руки из квартиры известного в городе тенора.

Больше девушка ничего дельного сообщить не могла. Дома она еще не была, а капитан напускал туману.

Костиков поручил своей помощнице утешать Сашеньку, а заодно попытаться узнать что-то важное посредством доверительной беседы. Сам же стал быстро собираться в УВД, чтобы повидать своего старого, но не совсем доброго приятеля Малышева, старшего следователя. Из-за полузакрытой двери кухни слышался звон чашек, уютное посвистывание закипающего чайника и начало порученной агентше Десятовой доверительной беседы:

– Ты мне вот что разъясни, – требовала бабуся, – что за мудреная профессия у жениха твоего? А то я в сомнения вгоняюсь. Это не он, случаем, кузнечиком непристойным на сценах скачет? Ты же говоришь, что в балетах служит?

– При чем здесь балет? – пожала плечами девушка, – он с вокалистами работает.

– С во-кем? – округлила глаза бабуся.

– С певцами. Занимается болезнями голосовых связок.

– Еще, – потребовала старушка.

– Ну, профилактика и лечение осиплостей, других специфических голосовых проблем.

После минутного раздумия баба Дуся всплеснула руками и три раза перекрестилась:

– Так он доктур! Спасибо тебе, господе Иисусе Христе, царица, мать небесная, а я-то, дура старая, недоброе подумала. Что, думаю, за калисты такие? Непристойные люди что-ли? Ярмольник говорил в передаче про малярию, что в балетах много их работает.

– В «Золотой лихорадке», что ли? – поинтересовался Игорь из прихожей, едва сдерживая смех.

– Ну да, про лихорадку, а не про малярию, – поддакнула бабуся. Еще и имя меня в подозрительность вогнало. Больно сумнительное оно у него.

* * *

Вражда-дружба Олега Малышева и Игоря Костикова являлась великолепной иллюстрацией к лекции о природе соперничества. Все, что сближало, одновременно и отдаляло двух друзей детства. Внешность Костикова контрастировала с внешностью Малышева. Все, что вытекало из этого контраста, являлось чуть ли ни основным источником конфликта.

Приземистый, коренастый Малышев был, тем не менее, очень подвижным парнем. Черты лица, по отдельности вполне заурядные, в сочетании рождали образ мужественного и волевого человека. Почему-то этот образ совершенно не привлекал ветреных женщин. После многочисленных, но бесплодных попыток покорения их незнакомых с логикой сердец, Олег решил махнуть рукой на весь женский пол и все силы отдать искоренению преступности в отдельно взятом Тарасове, в частности, и всем мире в общем.

Решить-то он решил, но воплотить… У него получилось махнуть рукой на всех женщин, кроме возлюбленной наделенного природой внешностью киношного белогвардейского офицера, в исполнении Старыгина, Игоря.

Иришку Олег любил уже давно. И, не смотря на то, что она никогда не давала ему повода надеяться на что-то кроме холодноватой дружбы, не терял надежды завоевать ее каменное сердечко.

Его с раннего детства потрясла сцена из фильма «Руслан и Людмила», где повествовалось о том, как пастух пытался штурмом взять сердце гордой красавицы. Нынешняя ситуация до оскомины напоминала ему этот сюжет. Малышев со студенческих времен пытался превзойти самого себя и доказать всему миру и одной девице, что он стоит многого. Путем лишений и героических усилий ему удавалось кое-чего достичь. Но, как и в поэме Пушкина, все эти достижения не могли растопить сердечный лед маленькой, худенькой брюнетки, совсем не похожей на роковую Наину. К тому же имелось одно существенное отличие от Пушкинского варианта. У Ирины-Наины уже был возлюбленный, обладающий всеми теми качествами, которых так не хватало Олегу. Пока Малышев, краснея от натуги, безнадежно пытался выбиться в «хорошие» студенты и хотя бы этим обратить на себя внимание этой околдовавшей его девицы, соперник, учащийся вместе с ним на одном факультете юридического института, изящно сдавал экзамены на «отлично», почти не прикасаясь к учебникам.

Все, за что ни брался Игорь, выходило у него легко и красиво. Это касалось и многих видов борьбы, которыми он немного владел, и работы в адвокатской конторе, и открытии своего детективного агентства с выразительным названием «Икс», что расшифровывалось как «Игорь Костиков – сыск».

После института пути приятелей-соперников разошлись. Игорь избрал поприще адвоката и частного сыщика; Олег с помощью напористости, железной хватки и трудового фанатизма добился должности старшего следователя.

В последнее время им приходилось общаться и даже сотрудничать довольно часто. На агентство Игоря просто сыпались запутанные дела, которые, не без помощи бабуси, естественно, Костиков удачно распутывал. Малышев вел параллельное расследование, но его бескомпромиссность частенько играла ему дурную службу и выводила на ложный след. На почве расхождения во взглядах на дело рождались конфликты, которые усугублялись возрождением скрытой

взаимной неприязни.

Правда, заканчивались все эти конфликты благополучно, но раздражение Олега наевшей оскомину удачливостью и правотой Игоря начинало понемногу нарастать.

Вот и сейчас он недовольно скривился при виде старого приятеля.

– Что, опять у соседки драный носок с веревки стащили? – холодно спросил он.

– Меня интересует повод задержания некого Модеста Красовского, – проигнорировал издевку Игорь.

– Опускаешься, Мосол, – не отрываясь от бумаг, бросил Малышев, – с коих пор защищаешь губителей старушек?

– Модест – мой подзащитный, – немного приврал Игорь. Впрочем, он был уверен, что Красовские именно его наймут в качестве адвоката.

– Так вот знай, в данном случае твоему подзащитному париться на нарах до поседения этой пижонистой бородки, – для того, чтобы Игорь понял, что подразумевается именно его бородка, Олег бесцеремонно ткнул в нее пальцем.

– Еще ничего не ясно. Самого преступления нет, значит, не может быть и подозреваемого.

– А труп Аси Гордеевны Красовской в подвале ее собственного дома со следами насильственной смерти – не преступление? А отпечатки пальцев твоего подзащитного на ручке двери, ведущей в подвал, и вообще, на целой куче предметов – не улика? А окурок его любимых сигарет? А дорогая зажигалка, найденная там же, с гравировкой «Зайке Модестику от Сашули»? А толпа свидетелей, просто кричащих о мотиве? Продолжать? Да мне сроду такого чистого преступления не попадалось! Тут даже хороший адвокат не поможет, а не то, что ты.

– Труп точно Красовской?

– Точнее не бывает. Крысы, правда, успели объесть лицо, но возраст, комплекция, одежда, удостоверение, в конце концов!

– А мотив? Какой может быть мотив у обеспеченного, уважаемого в городе прекрасного специалиста?

– И этого не знаешь, – фыркнул Олег, – а что тебе вообще известно? Ладно, я сегодня добрый, сытый и терпеливый. Весь двор трубит, что твой Модест с сожительницей зарились на бабкину квартиру, а та все грозила настрочить завещание в пользу своего партайгеноссе, некого Садикова. Вот парнишка и подсуетился! Еще не известно, может, и было завещание-то. Эх, жаль, поздно труп нашли. В доме уже кто-то побывал.

– А если это просто обычные грабители? Стукнули старушку, забрали ключи…

– Может. Только, если ты такой умный, объясни мне пожалуйста, почему в ее доме все перевернуто верх дном? И ничего не пропало! Кроме сумки, ключей и кое-каких сувениров.

– Откуда знаешь, что не пропало?

– От приятеля ее. Деньги все она на книжке хранила. А книжку у самого приятеля прятала. Богатств особых не было, всю жизнь в кулинарном училище завучем проработала.

– А что за сувениры?

– Да черт их знает, – отмахнулся Малышев, – соседка говорит, что неприличные какие-то, пепельницы в виде клозетов, зажигалки – догадайся сам в виде чего, искусственные фекалии в очень натуральном исполнении. Говорят, их на стул особо нелюбимым гостям подкладывают. Тьфу, гадость, и как порядочная женщина в доме такую мерзость хранила? И где раздобыла? И зачем этому Красовскому дрянь такая понадобилась? Давно говорю, что все интеллигенты в душе – прогнившие насквозь пакостники.

– Примерное время наступления смерти известно?

– А как же!

– Где находился в это время подозреваемый?

– Говорит, наслаждался в объятиях возлюбленной.

– Спал?

– Ну. Только показания сожительницы подозреваемого для нас – тьфу. Пустое место.

– Олег, можно тебя кое о чем попросить?

– Валяй, Мосолик, я сегодня добрый, одних сведений тебе бесплатно выдал целый боекомплект.

– Тебе не было бы трудно называть Александру по имени или по фамилии? Сожительница – это слишком грубо. И, кстати сказать, она законная невеста Красовского.

– Что, успел глаз положить? Ну так передай своей новой пассии, чтобы подыскивала другого жениха или сожителя, по-нашему. Ее Модестик выйдет из тюрьмы, когда она уже бабушкой станет.

– И все-таки, я настаиваю на невиновности Модеста, – проигнорировал провокацию Игорь. – Убеждать тебя в том, что искать надо в другом месте, я не стану. Не раз обжигался. Но в невиновности Красовского я уверен, как в своей собственной.

– Не мешай работать, – махнул рукой Олег, мгновенно потеряв интерес к разговору, – тут серьезные дела вздохнуть не дают, а ты со своим Раскольниковым пристаешь.

Он погрузился в ворох бумаг и, казалось, не заметил, как тихо закрыл за собой дверь его товарищ.

* * *

«Черт, тоже мне, частный детектив, – костерил себя Игорь, сидя за рулем своего „Жигуленка“. – Послал следить бабусю за склочным стариком, а главное проворонил. Теперь любой обыватель знает больше частного детектива Костикова. И баба Дуся хороша: каштаны, кошка, моль… Забила мне голову всякими мелочами».

Как всегда, когда дело не шло, Игорь перекинул ответственность на старушку. Уж больно не привык он замечать за собой оплошности. А баба Дуся… Ну что с нее взять! Полуграмотная деревенская старушка. Ей можно ошибаться. Внутреннее раздражение вылилось на голову бедной бабуси сразу, как только ее внук перешагнул порог.

ГЛАВА 3

В ЛОГОВЕ ОБИТАТЕЛЕЙ ДНА

Обдумывать предлог для праведного гнева не пришлось. Всегда аккуратная и следившая, с ее точки зрения, за внешностью бабуся встретила внука в столь затрапезном виде, что он на мгновение просто лишился дара речи. Впрочем, этот дар никогда не покидал его надолго. Что-что, а красноречие и умение выражать свои мысли было одним из доминирующих качеств Игоря Костикова.

– Где ты откопала это рванье? – поморщился он, – и что с твоими волосами? У нас прекрасная ванная комната, будь добра, прими душ и выкинь этот кошмар, что на тебе надет. И вообще, пока ты вела наблюдение за черными кошками, произошли такие события, что дело начинает приобретать совсем другой оборот.

Баба Дуся сразу уловила настроение внука. И хотя она уже знала, что в такие моменты к нему лучше не приближаться на пушечный выстрел, но капитулировать не собиралась.

– Ты прикид мой не трогай, – отрезала она, – это рабочая пикировка.

Слово «экипировка» она уловила еще в зубодробильном боевике с Ван Дамом. Она уточнила его смысл у внука и с тех пор пользовалась им к месту и не к месту, выкинув первую лишнюю, по ее мнению, букву.

– Огородик свой возделывать опять собралась? – снисходительно, с усмешкой, поинтересовался Игорь.

Деревенские привычки еще не совсем выветрились из бабуси, и она с маниакальным упорством разбивала под окнами квартиры внука грядки с зеленью. Правда, чопорные и далекие от нужд простых жителей планеты элитные модели автомобилей безжалостно парковались на нежных, пушистых ростках петрушки и дурманяще пахнущего базилика, но это не останавливало старушку. Она вбивала в газон колышки, натягивала между ними вышедшие из употребления чулки и искренне надеялась, что этот невнушительный забор сможет оградить ее посадки от посягательства груды бездушного железа. Вот и сейчас Игорь решил, что баба Дуся собралась сеять озимые на своей фазенде.

– Не может отличить пикировку огородника от пикировки агента, – презрительно хмыкнула бабуся, – а еще с образованиями! Иду за информацией. Буду работать со свидетелями. Главные свидетели у нас кто? Садиков, бабки стервозные и еще кое-какие личности. Вот ты и работай с приличными пенсионерами, а я беру на себя самое трудное – неприличных.

– Во первых, соблаговолите пояснить, Евдокия Тимофеевна, что вы подразумеваете под понятием «неприличные пенсионеры», а во вторых, разрешите все-таки мне решать, что кому делать.

Игорь и так был раздражен тем, что Малышев грубо поставил его на место, а тут еще бабуся. Бесспорно, она много сделала для раскрытия предыдущих преступлений, но надо же соблюдать субординацию! Так она и перед клиентами будет понукать им!

– Не бухти, Горяшка, ты хоть и начальник, да я постарше, поопытнее тебя буду. За информацией я уже собралась, и времени терять на то, чтобы ты командование начал, у меня нету. Там Сашенька в инфаркте бьется. Надо идти Модестку ее выручать.

Такое бесцеремонное отношение со стороны подчиненного совсем добило Игоря. Хлопнув дверью своего кабинета, он уселся за стол и предался размышлениям о кознях непредсказуемой фортуны.

* * *

По улице города брела маленькая лохматенькая старушка. Страдальческое выражение лица и жалкое состояние одежды, вопреки ожиданиям, не вызывали сострадания у спешащих по своим неведомым делам прохожих. Никто не обращал на нее внимания, кроме, пожалуй, рыжей дворняги с бельмом на глазу, которая долго провожала ее взглядом, видимо, философствуя в душе по поводу схожести судеб человеческих и собачьих.

Время от времени старушка метала пронзительные взгляды по сторонам, выискивая вожделенные для людей этой породы темные пивные бутылки, наиболее высоко котировавшиеся в данном бизнесе. Наконец, удача, в виде уже не щедрого на тепло, но еще не жалеющего света солнца, улыбнулась ей, высветив в высокой, пожухлой траве блестящий бок коричневой, замаскировавшейся бутылки. Старушка метнула еще один взгляд, скорее всего, выискивая конкурентов, но, почему-то, не найдя их, вздохнула и горестно побрела дальше, проигнорировав такую желанную находку.

Вот еще аккуратно и скромно стоящая бутылочка привлекла ее внимание. Но и той не суждено было пополнить коллекцию, позвякивающую в драненькой, местами засаливавшейся от долгого и негуманного использования сумки из плащевки неопределенного цвета. Конкурент в виде приземистого, заросшего седой щетиной мужичка уже шустро двигался по направлению к бутылке.

Здесь старушка повела себя неадекватно. Вместо того, чтобы по привычной схеме вздохнуть и горестно побрести дальше, она проявила неожиданную резвость и бросилась наперерез охотнику за пивной тарой.

– Не трожь, – взревел охотник и прибавил скорость.

Жизнь в городских джунглях одарила своих диких обитателей мгновенной реакцией и ловкостью. А старушка была ближе. Поэтому соперники практически одновременно ухватились за столь необходимый обоим предмет. Некоторое

время они молча гипнотизировали друг друга, пытаясь силой взгляда парализовать волю конкурента, потом дед с силой рванул бутылку на себя. Неожиданный маневр не усыпил бдительности его конкурентки, с неожиданной для ее внешней хрупкости силой она вцепилась в предмет раздора. Следующая сцена напоминала прямую трансляцию чемпионата по кикбоксингу для жителей домов престарелых. Ложные выпады, попытки бросков через плечо, пыхтенье, привлекли к единоборству за право обладания кубком в виде бутылки зеленого стекла редких прохожих. Теперь, как в настоящем чемпионате, борьба сопровождалась угрозами соперников в адрес друг друга и поощрительными выкриками зрителей.

– Ты труп, – шипел дед.

– Прощайся с солнушком, пенек трухлявый, – вторила ему бабка.

– Ща так вмажу, костей не соберешь, ехидна обшарпанная.

– Сам не рассыпси, дикобраз целюлитный.

Следующая реплика деда была ненормативной, на что старушка, строго посмотрев на ее исполнителя, заявила:

– Попрошу в присутствии дамы некультурно не выражаться.

Дед от неожиданности широко раскрыл рот, обнажив жалко торчащие в одиночестве три зуба и выпустил бутылку, чем и воспользовалась пронырливая старушенция. Она заховала добычу в сумку и трусцой припустила подальше от ринга. Но и старик уже пришел в себя. Он в три прыжка догнал беглянку и с силой дернул за ее сумку. Ткань – не стекло, особенно старая. Ветхие нити затрещали, ручки отделились от основания, три бутылки, составляющие утренний урожай, выпали на безжалостный асфальт и прощальным звоном возвестили о прекращении своего существования.

Бабуська, увидев столь плачевную картину, села на бордюр рядом с осколками от планируемого обеда, не забыв, однако, аккуратно расправить юбку, и, раскачиваясь из стороны в сторону, тоненьким голоском запричитала что-то ужасно жалостливое и слезливое. Дед глубоко, с прерывом, вздохнул и медленно побрел дальше, бормоча себе под нос что-то нечленораздельное.

Причитание за его спиной становилось все громче и громче. Дед замедлил шаг. Когда монотонный мотив причитаний стал приобретать музыкальную окраску, дед совсем остановился и, немного помедлив, вернулся и сел на бордюр рядом с недавней конкуренткой.

Маленький мальчишка, годик ему пятый,

Из беленькой скатерки вырезал квадраты,

Вырезал кружочки и опять квадраты,

Думал тот мальчишка, мама будет рада, – выводила тоненьким голоском старушка.

Такую манеру исполнения не встретишь на эстраде. Но она чрезвычайно популярна в народе, особенно на деревенских вечеринках для тех, кому за шестьдесят. И песни, исполняемые в этой манере, обычно жалостливые, вышибающие слезу даже у не самого чувствительного человека. Как-то бабуся с удовлетворением наблюдала, как городская стильная и ироничная девица, хихикающая в самом начале песни, с удивлением, граничащим с мистическим ужасом, не могла сдержать слезы, помимо ее желания бегущие из глаз на последнем куплете. Видимо, такой необычный тембр пробуждает в душах что-то древнее, седое, языческое. Так будоражит душу человека вой волка или крик невидимой и оттого пугающей ночной птицы…

Дед придвинулся к ней поближе и заглянул в голубые глаза исполнительницы, подернутые дымкой вековой тоски.

Только мать влетела и сразу увидала,

Беленькой скатерки маме жалко стало,

Ножницы схватила, по рукам ударив,

Кровь из них сочилась, но мать забыла жалость.

Всхлип седого бомжа на мгновение прервал песню. Вдохновленная положительной реакцией слушателя, бабуся, а это была она, набрала в легкие побольше воздуха и проникновенно, с надрывом, закончила:

Мама, дай мне ручки, ей дитя сказало,

Мне сестра сказала, что ты им своровала,

Вы себе скатерку купите другую,

А зачем ребенку вот такие муки,

Ведь нигде не купите маленькие руки.

На последней фразе бабуся уронила голову на руки и замолчала. Звонкое, смачное высмаркивание заставило ее поднять голову. Покрасневшие, отчаянно пытавшиеся удержать слезы глаза бомжа с любовью смотрели на нее. Волосатая, забывшая ощущение мыльной пены рука протягивала ей… нет, не скромный букет полевых цветов, а нечто более ценное в этом мире – зеленую бутылку из-под пива.

* * *

Весело уплетая за обе щеки свежий батон и запивая его молоком из пакета, бабуся сидела в окружении похожих на ее нового приятеля граждан.

– А про Аллочку, которой мать в сердце нож вонзила, можешь? – с надеждой в голосе спросила нестарая еще, огненно-рыжая тетка неопределенного возраста.

– Угу, – утвердительно кивнула головой бабуся.

– А про морзю?

– И про морзю, – невнятно обнадежила ее баба Дуся, пытаясь проглотить особо крупный кусок батона.

– И про Нью-Иорк, окутанный голубым туманом?

– Плевое дело, – окончательно справилась с угощением гостья.

– А культурные романсы? Ну, «Тростник», там? – заинтересовался и заросший колоритной, внушительной бородой Валера, представившийся поэтом.

– Целую кучу, – облизала каждый палец по отдельности бабуся.

– Класс! Молодец, Петруха, будем теперь концерты слухать, никаких проигрывателей не надо, – одобрила новое приобретение подвала, где обитали бомжи, рыжая тетка.

– Маха, – протянула она руку бабусе.

– Дульсинея, – неожиданно вырвалось у бабуси.

– А почему Дульсинея? – заинтересовалась Маха.

– А почему Маха? – ответила вопросом на вопрос баба Дуся.

– Фильм такой есть, простота, – покровительственно похлопала ее по плечу новая подруга, – я правда, мало что поняла, мы кино ходим смотреть к магазину «Иоланта», там на витрине много разных телевизоров показывают. Звука, правда, не слышно, но зато не мешает, когда по мы разные программы смотрим. Так эта Обнаженная Маха больно меня затронула. Раньше я Клеопатрой звалась, а теперь решила: буду Маха!

– А-а-а, – понимающе протянула Дуся, – а я как-то слышала песню дюже страстную про Дульсинею, а вообще-то я Евдокия.

– Ну, добро пожаловать, Дульсинея, – рыжая, видимо занимающая главенствующую позицию в данном коллективе, театральным жестом повела рукой, предлагая новенькой ознакомиться с помещением.

Интерьер был бедный. Проще сказать, его не было совсем. Кучи тряпья по углам предназначались для выполнения роли кроватей и диванов, добротная коробка

из пенопласта осуществляла функцию стола. Декоративных элементов и электронной техники не было, видимо, по причине отсутствия электрической проводки и слабого естественного освещения.

– Ну, рассказывай, что привело тебя в наш скромный приют, – предложила Маха.

– Повесть моя, деточки, печальная, – пригорюнившись, начала бабуся. – Родилась я на берегу речки синей, в деревеньке Вражино. Детство мое прошло среди природы, цветочков и животных домашних. А сейчас вот настали лихие времена, пришлось продать мой домик беленький и уехать в город. Приютил меня внучатый племянник, ничего, уважительно обращался. Только и тут беда нагрянула: посадили милого внучка ни за что. А меня выгнали из его квартиры: говорят, прописки нет, значит, и житья здесь мне не будет. Опечатали дверь бумажками и велели ехать по месту этой самой прописки. А куда ехать? В домике моем чужие люди обитают, совсем я нынче стала беспризорная, – опять пригорюнилась старушка.

– А за что посадили? – с любопытством спросил дед, с которым она боксировала из-за бутылки, – наркотики продавал или сутенерствовал?

– За мошенство, – важно сказала бабуся, – но я точно знаю, не виноватый он. Навет черным человеком на него возведен. А что больше всего кручинит меня в этой ситуации, так это то, что я во всем и виноватая.

– Так это ты мошенство делала? – жадно дыша ей в лицо, спросил дед, которого, как оказалось, звали Петруха.

– Бог с тобой, – отмахнулась бабуся, – просто я бедоносица.

– Как? – не поняла рыжая.

– Ну беду всем приношу, с кем не поведусь. Поэтому и замуж не вышла, и деток своих не удосужилась завести. Жалко же. Вот и внучек из меня влетел, – опять вздохнула она.

– Эй-эй, тетка, – сразу отодвинулась от нее Маха, ты нам, в таком случае, и вовсе не нужная, мы и так только что место жительства сменили.

– И вы тоже! – всплеснула руками бабуся, – а вы чего?

– Да жили мы неплохо, подвал сухой был, чистый, – начал щетинистый Петруха, – с жителями тоже договоренность имели. Мы прилично себя ведем и во дворе по средам субботники делаем, а они нас не гонят и подкармливают по возможности. Только одна неприятность была: повадилась тетка какая-то зловредная к нам в подвал шастать. Решила воспитанием нашим подзаняться, человеков из нас сделать.

Да ладно бы еще про церковное говорила, а то про Маркса заводила, да про цель-минимум и цель-максимум. Еще и конспекты писать заставляла. Говорит, на водку хватает, на канцелярию тоже хватит. Я ее как-то послал, тут такое началось! Грит, милицию вызову, всех разгоню! Заставляла нас даже график добрых и злых дел вести. А что сделаешь? Приходилось терпеть, чтоб из подвала не выгнали.

А тут с ней что-то странное случилось. Ходит, радуется, грозит чегой-то. Поэта Валеру пообещала на весь мир прославить. Нюрке целый комплект одежи за так отдала. Заставила ее и Маху правило о «жи-ши» рассказать, кто первый рассказал, тот и получил. Нюрка как оделась, так похорошела, что на следующий день и не вернулась, видать, замуж вышла, хоть и не первой свежести, кажись, седьмой десяток ей пошел. Ну, а тут днем нас не было, приходим, а кругом милиция, собаки. Какой-то человек добрый эту тетку и замочил, значит. Да прям в нашем подвале, паразит такой! Хоть куда отвел бы. Хорошо, мебелей у нас мало, не жалко бросать. А подвал ничего был, приятный, – опять вздохнул Петруха.

– Жалко, – тихо, будто только для себя, пробормотал Валера.

– И тебе старое жилище больше нравилось? – сочувственно спросила его бабуся.

– Да нет, – хихикнула Маха, – у него роман с этой теткой был.

– Роман? – не поверила бабуся, с удивлением рассматривая зардевшегося поэта.

– Ты не смотри, что он молоденький для нее, только шестой десяток пошел, у них тут такой роман раскручивался на почве любви к литературе! Он ей стихи читал, а она его котлетами кормила. Дурака такого, жить к себе звала, да он

заломался.

– А чего так? – вкрадчиво поинтересовалась бабуся у скромно молчащего поэта.

– Да боюсь я ее, – пробасил поэт, – больно большая и шумная. Зубы бленд-а-медом чистить заставляла по пять минут. Думал, в могилу сведет требованиями своими. Я от своей-то жены убежал из-за заботы, а тут эта махина. Нет, мне свобода ближе.

– Да разве забота – это плохо?

– Так смотря какая забота. Если проверяют, тридцать раз каждый кусок пережеван или двадцать девять, и все время заставляют носки шерстяные колючие надевать, так это не забота, а карцер какой-то, – пожаловался Валера.

– Да и мы его не пустили, – лениво проговорила Маха, – а то ревнивец этот нам все равно житья бы не дал.

– Так у нее муж был?

– Не муж, а бойфренд, – блеснула лексическим запасом Маха, – гад, всю жизнь Валерке отравлял. Его тетка эта покормить приведет, а он – тут как тут. Орет, слюной брызжет, а Аська и рада, сложит ручки кренделем и любуется, как мужчины из-за нее соревнуются. Еще и стравливает, грит, кто ей больше понравиться, с тем жить будет, на того и квартиру запишет. Валерке-то за такие мучения и квартира не нужна, а Садиков этот аж трясется весь.

– Так Садиков – это бойфренд, а Аська – тетка? – уточнила бабуся, тщательно скрывая излишнюю заинтересованность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/nikol-skaya_natal-ya/zlovrednaya-zhertva

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити